

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ОБЩЕНАУЧНЫЙ ПЕРИОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 298

Май

2007

Свидетельства о регистрации: бумажный вариант № 018694, электронный вариант № 018693
выданы Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.
ISSN: печатный вариант – 1561-7793; электронный вариант – 1561-803X
от 20 апреля 1999 г. Международного центра ISSN (Париж)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Калиткина Г.В. Тексты среднеобского архива как базовый источник диалектной лингвокультурологии	7
Тубалова И.В. Текстовые модели народной аксиологии в анекдоте и частушке: к проблеме трансформации смеховой культуры	13
Шестакова И.Г. Лингвопрагматический аспект научно-технической рекламы (на материале англоязычных текстов)	19

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Александров О.А. Особенности метатекстов немецкой народно-разговорной речи	26
Бакало Д.И. Особенности познания и отражения действительности в сознании переводчика в процессе его профессиональной деятельности	29
Гураль С.К. Язык как процесс и как саморазвивающаяся система	32
Кобенко Ю.В. «Волны» англоязычных заимствований в истории немецкого языка	36
Маслюк А.А. Дистанционное повышение квалификации преподавателей иностранного языка в области ИТ	40

ФИЛОСОФИЯ

Кашпур В.В. Понятие «конкуренция» в исследованиях системы образования: методологические основания применения	42
Мехришвили Л.Л. Социальная политика как механизм регуляции процесса развития индивида и общества	45
Орлов Е.В. О русских переводах Аристотеля	51
Платонова А.В. Этические вопросы философии техники	60
Чухно А.В. Смерть в темпоральной структуре бытия	63

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Буденкова В.Е. Два способа построения онтологии и перспективы неклассической эпистемологии	66
Галкин Д.В., Казанкина Е.В. Истина в мире без истины: самоопределение интеллектуалов в культуре постиндустриального общества	72
Савельева Е.Н. Специфическая природа киноискусства: возвращение к проблеме	80
Тихонова Е.П. «Восток – Запад» – знаковая веха культурной рефлексии XX–XXI вв.	83

ИСТОРИЯ

Баталова Т.И. Деятельность акционерного общества Ачинско-Минусинской железной дороги	87
Быкасова Л.В. Ценностно-мотивационная структура благотворительной деятельности в Западной Сибири XIX – начала XX в.	91
Кубанов К.Г. Проекты российских военных экспедиций в Индию в XIX в.: причины и цели	96
Приходько Н.Н. Фронтальная теория в геополитике на востоке России	98
Сазонова Н.И. Текстология церковной реформы патриарха Никона (1654–1666 гг.) в старообрядческой полемической литературе второй половины XVII в.	103

МАТЕМАТИКА

Бабанская О.М. Связь циклических групп простых порядков с группами гомоморфизмов	107
Гриншпон И.Э. Определяемость векторных групп своими голоморфами	111
Гриншпон С.Я., Ельцова Т.А. Гомоморфная устойчивость и вполне транзитивность абелевых групп	114
Кобылина М.С. Существование локально равномерно выпуклой полунепрерывной снизу в топологии поточечной сходимости нормы на пространствах вида $C(K)$, где K – линейно упорядоченный сепарабельный компакт	117
Лазарев В.Р. О модификации понятия функционала с конечным носителем	119
Юферова Г.А. Уравнение Левнера и ортогональные многочлены	121

ФИЗИКА

Горбенко Т.И. Влияние соотношения компонентов на горение металлизированных топлив при субатмосферных давлениях	125
Жарков А.С., Попов Ф.А. Принципы информатизации сфер образования и науки многопрофильного наукограда	129
Звольский Л.С. Логическое резервирование в системах промышленной автоматизации	132

ЭКОНОМИКА

Герман М.В. Профессиональный уровень индивида, его изменения и условия формирования в контексте происходящих трансформационных процессов в обществе	135
Мочалов М.В. Необходимость стимулирования экономической оценки воздействия на окружающую среду	139
Петрова Т.А. Стимулы и противоречия муниципальных реформ	142
Хлопцов Д.М. Земля как особый фактор производства в условиях рыночной экономики России	146
Холодова Е.И. Электронная экономика как одно из направлений развития Сибирского региона (Томская область)	151

ПРАВОВЕДЕНИЕ

Кирюшина Л.Ю. Криминалистическая типология женщин-преступниц как основание разработки криминалистической методики расследования преступлений	155
Мулявин М.К. Особенности участия государства в соглашениях о разделе продукции	160
Скорикова Т.Н. Операторы виртуальных сетей как субъекты правоотношений по оказанию услуг подвижной связи	164
Терехова Л.А. Представление дополнительных доказательств в суд второй инстанции	168
Шидловская Ю.В. О процессуальном взаимодействии коллегии присяжных заседателей и профессионального состава суда в российском уголовном процессе	171

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Верещагина И.М. Перспективность развития региональной модели досугового центра (хобби-центра) в условиях переходной экономики в Сибири	174
Колесникова М.В. Педагогические исследования в области социальной активности личности	176
Лукьянов О.В. Актуальность изучения транстемпоральных аспектов социального и психологического опыта	179
Малкова И.Ю. Проблема проектирования в компетентностном подходе	186
Поварич И.П., Сурков Е.А. Модели взаимодействия КемГУ с внешней средой в условиях модернизации высшего профессионального образования	190

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

Иванов А.О. Эколого-геохимическое состояние приземного слоя атмосферного воздуха г. Томска и Обь-Томского междуречья в 2006 г. (по итогам снеговой съемки 2006 г.)	194
Хромых В.С. Некоторые теоретические вопросы изучения динамики ландшафтов	198
Хромых В.В., Хромых О.В. Опыт автоматизированного морфометрического анализа долинных геосистем Нижнего Притомья на основе цифровой модели рельефа	208

БИОЛОГИЯ

Буренина А.А., Михайлова С.И., Сотникова Н.В., Астафурова Т.П. Морфологические показатели скороспелости видов р. <i>Amaranthus</i> L.	211
Бысыгина М.Ф. Конспект флоры термокарстовых аласов (Центральная Якутия)	213
Калюжин В.А., Калюжина О.В. Влияние концентрированных растворов солей тяжелых металлов на физиологические и кинетические показатели микроорганизмов	218
Моренко М.О. Галофиты Алтайской горной системы на примере семейства маревые (<i>Chenopodiaceae</i>)	222
Романенко В.Н. Экологические основы этологии пастбищных иксодовых клещей (<i>parasitiformes, ixodidae</i>) при поиске и нападении на прокормителей	224
Сарматова Н.И. Воздействие экзогенных факторов на функциональные группы бактерий полости рта	229
Ходанович М.Ю., Есипенко Е.А. Связанные с событиями потенциалы мозга при отмеривании интервалов времени человеком. 1. Различные стратегии выполнения моторных задач на время	231

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	237
АННОТАЦИИ СТАТЕЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	240

FEDERAL AGENCY OF EDUCATION
VESTNIC TOMSK STATE UNIVERSITY
GENERAL SCIENTIFIC PERIODICAL

№ 298

May

2007

Certification of registration: printed version № 018694, electronic version № 018693
Issued by Russian Federation state committee for publishing and printing on April, 14, 1999.
ISSN: printed version – 1561-7793; electronic version – 1561-803X
on April, 20, 1999 by International centre ISSN (Paris)

CONTENTS

LITERATURE STUDIES AND LINGUISTICS

Kalitkina G.V. Texts of MidOb Archive as Principle Sours of the Dialect Linguistic Culturology	7
Tubalova I.V. The text's models of folk estimation in chastooshka and anecdote: for the problem of folklore laughable culture transformation	13
Shestakova I.G. The Linguapragmatic Aspect of Science and Technique Advertisement	19

THE PROBLEMS OF FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Alexandrow O.A. The peculiarities of metatexts in folk speech	26
Bakalo D.I. Reality cognition and reflection peculiarities in translator's consciousness in the process of professional activity	29
Gural S.K. Language as a process and a self developing system	32
Kobenko J.V. The english borrowing «waves» in the history of the german language	36
Maslyuk A.A. Language Teacher Retraining in IT-Sphere by Distance Learning	40

PHILOSOPHY

Kashpur V.V. Notion «competition» in education system research: methodological grounds of application	42
Mehrishvili L.L. The Tyumen State Oil and Gas University The Department of Social Work	45
Orlov E.V. On Russian Translations of Aristotle	51
Platonova A.V. Ethical questions of philosophy of technics	60
Choukhno A.V. Death at the Temporal Structure of Being	63

CULTUROLOGY

Budenkova V.E. Two ways of the ontology forming and non-classical epistemology perspectives	66
Galkin D.V., Kazankina E.V. Truth in The World without Truth: Self-definiton of Intellectuals in Postindustrial Culture	72
Saveleva E.N. Specific nature of cinematography: return to the problem	80
Tichonova E.P. East – West: characteristic point cultured self-consciousness XX–XXI century	83

HISTORY

Batalova T.I. Activites of the stock company of the Achinsk-Minusinsk railway	87
Bykasova L.V. Valuable-motivational of philanthropic activity in the Western Siberia of pre-revolutionary period	91
Kubanov K.G. Russian projects against India in XIX th century: reasons and aims	96
Prikhod'ko N.N. The theory of frontier in geopolitics to the Eastern periphery of Russia	98
Sazonova N.I. Tekstology church reform of the patriarch Nikon (1654–1666) in polemical literature old believer 2 floors VII c.	103

MATHEMATICS

Babanskaya O.M. Connections between cyclic groups of prime orders and homomorphism groups	107
Grinshpon I.E. Determinity of vector groups by their holomophs	111
Grinshpon S.Ya., Yeltsova T.A. Homomorphic stability of Abelian groups and fully transitivity	114
Kobylyina M.S. Locally uniformly spaces in the form of $C(K)$, where K is a lenearily ordered separable compact	117
Lazarev V.R. On the some modification of the notion of the functional with the finite support	119
Yuferova G.A. The Loewner differential equation and orthogonal polynomials	121

PHYSICS

Gorbenko T.I. The influence of mixture component ratio on the burning process of metallized propellants under the subatmospheric pressures ...	125
Zharkov A.S., Popov F.A. The principles of information education and science fields of versatile science-city	129

Zvol'sky L.S. Logic redundancy structures in industrial automation systems	132
--	-----

ECONOMICS

German M.V. Professional level of the individual of its change and condition of formation in a context occurring changing processes in a society	135
Mochalov M.V. Necessity of economic appraisal of environmental impacts	139
Petrova T.A. Impetuses and contradictions of Municipal reforms	142
Khloptsov D.M. Land as a specific production factor in the Russian market economy	146
Holodova E.I. Electronic economy as one of directions of development of Siberian region (Tomsk area)	151

LEGAL

Kiryushina L.Yu. Abstract Criminalistic typology of female criminals as a foundation for criminal methods of investigation	155
Mulyavin M.K. The special features of State participation in the production sharing agreements	160
Skorikova T.N. Mobile Virtual Network Operators as subjects of legal relationship rendering of service of moving constraint	164
Terehova L.A. Submission additional proofs to the court of «second» instance	168
Shidlovskaya Yu.V. Interaction between jury and judge in criminal trials in Russia	171

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

Veretsagina I.M. The perspective of the regional leisure center (hobby center) development in the period of transitive economy in Siberia	174
Kolesnikova M.V. Pedagogical Research in the Field of Personality's Social Activity	176
Lukianov O.V. The actuality of studying transtemporal aspects of social and psychological experience	179
Malkova I.Yu. The problem of projection in competence approach to education	186
Povarich I.P., Surkov E.A. The models of interaction between Kemerovo State University and its environment under the conditions of modernization of educational institutions of higher vocational level	190

SCIENCES ABOUT EARS

Ivanov A.O. Ecology-geochemical condition of atmospheric air of Tomsk city and Ob-Tomsk interfluvium in 2006 (according to the results of survey of 2006)	194
Khromykh V.S. Some theoretical questions of study of dynamics landscapes	198
Khromykh V.V., Khromykh O.V. The Experience of automatized morphometric analysis of geosystems based on Digital Elevation Model of the Tom valley	208

BIOLOGY

Burenina A.A., Michailova S.I., Sotnicova N.V., Astafurova T.P. Morphological index <i>Amaranthus L. Sp.</i> early growth was revealed	211
Bysyina M.F. Synopsis of the flora of the thermokarst's hollows (Central Yakutia)	213
Kalyushin V.A., Kalyushina O.V. The influence of concentrated solutions of salts of heavy metals on the physiological and kinetic indicators of microorganisms	218
Morenko M.O. Halophytes of Altai mountains system on example of <i>Chenopodiaceae</i> (Goosefoot) family	222
Romanenko V.N. The ecological foundation of pastrurable ixodes ticks (Parasitiformes, Ixodidae) behavior during the quest and aggression on victim	224
Sarmatova N.I. Dependence of Oral Microbial Flora upon Exogenous Factors	229
Khodanovich M.Y., Esipenko E.A. Event related brain potentials at measuring of time intervals by human. I. Different strategies of performing of motor temporal orienting tasks	231

BRIEF INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	237
SUMMARIES OF THE ARTICLES IN ENGLISH	240

ТЕКСТОВЫЕ МОДЕЛИ НАРОДНОЙ АКСИОЛОГИИ В АНЕКДОТЕ И ЧАСТУШКЕ: К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Частушка и анекдот рассматриваются как тексты единой фольклорной смеховой культуры, в основе существования которых – истинная потребность коллективного сознания в построении «второго» мира, мира карнавала. В основе их интерпретационной динамики – модель разрушения единства представлений о мире, свойственного традиционной культуре, развитие форм аналитической деятельности и ее эстетического отражения.

Признавая, что «жанровый ассортимент постфольклора – по сравнению с фольклором традиционным – изменяется самым радикальным образом», а «на первый план выдвигаются /.../ жанровые комплексы относительно недавнего происхождения» [1. С. 14], исследователи современного фольклора активно привлекают к анализу новые жанры, в частности анекдот. При наличии всех признаков современного, «позднего» текстового образования он, безусловно, обладает всеми классическими признаками фольклора, к каковым исследователи обычно относят устность, коллективность, эстетичность и анонимность.

Анекдот – это один из жанров современного городского фольклора, «создаваемый и функционирующий в среде демократической городской интеллигенции». Эта его социокультурная функция определяет и содержание анекдота, и его жанровое разнообразие, и его национальное своеобразие, и характер специфически-анекдотического юмора» [2]. Анекдот получил наиболее полное развитие в период становления советского тоталитарного строя, частично компенсируя потребность соответствующих социальных слоев населения в обсуждении фактов окружающей действительности. Анекдот является прерогативой наиболее склонного к рефлексии социального слоя – интеллигенции, и именно с этой позиции формируется картина мира, реализуемая в рамках данного жанра.

Ориентированность на смеховое, карнавальное начало роднит его, в первую очередь, с частушкой, определяемой как жанр поздне-традиционного фольклора, основное назначение которого – выразить экспрессивно окрашенный отклик на реальную бытовую ситуацию, обычно в молодежной среде бытования традиционной культуры.

В представленном исследовании делается попытка проследить внутритекстовое развитие фольклорной смеховой текстовой модели – от частушки к анекдоту, рассматриваемым как тексты единой народной смеховой культуры, с одной стороны, и имеющим специфические особенности, определяемые средой и задачами их бытования, – с другой.

В первую очередь, динамика развития фольклорного «карнавального» текста определяется в рамках общекультурной парадигмы «традиционный фольклор – современный фольклор». Частушка, являясь жанром *поздне-традиционного* фольклора, демонстрирует все признаки традиционного фольклорного текста, при этом отражая его зарождающуюся внутреннюю противоречивость. Анекдот – жанр *современного* фольклора – продукт коллективной рефлексии, определяемой особой включенностью коллективного субъекта в систему социальной реальности.

Законы текстовой организации современного фольклора, с одной стороны, качественным образом отличаются от традиционного, а с другой – реализация современного фольклора невозможна вне данной культуры, в арсенале которой принципы традиционного фольклора определяют сложившееся в данной национально-культурной среде фольклорное существование. И именно в этом смысле следует говорить о преемственности указанных принципов организации текста, структуры категорий современного фольклора, о его глубинных текстовых связях с традиционными жанрами.

Различие же определяется, в первую очередь, свойствами «внефольклорной» среды, особой эстетической значимостью законов коллективного существования: если «традиционная» культура выражает в своем фольклоре единый, общечеловеческий и единственно возможный для человека взгляд на мир, то современная культура, также нуждающаяся в формализации и эстетизации принципов коллективного существования, осуществляет себя в мини-коллективах, культурно обособленных друг от друга.

В соответствии с этим «традиционный» фольклорный дискурс функционирует в гомогенной аудитории, где весь набор жанров (сказки, былины, любовные, солдатские песни и др.), конечно, предполагает определенную этнокультурную и социальную стратификацию, но, тем не менее, фольклор существует как совокупность текстов, актуальных для всего коллектива. «Современный» фольклорный дискурс – это тексты, рассчитанные на определенную аудиторию, дифференцированную по возрастному, половому, профессиональному и другим признакам. «Современный» фольклор представляет собой «коллаж», «монтаж образов, стереотипов, формул, пришедших из различных письменных, устных, визуальных источников информации» [3]. По сути, современное общество не имеет единого фольклора, современный фольклор представляет собой совокупность фольклоров разных социокультурных коллективов и выполняет функцию социальной идентификации исполнителей и слушателей (см. работы Б.М. Бернштейна, К.А. Богданова, М.С. Кагана, А.С. Каргина, Н.А. Хренова и др.).

По-особому указанная специфика традиционного и современного фольклора разрешается в смеховых жанрах, к каковым относятся как частушка, так и анекдот. Их природа соответствует изначально свойственному человеческой культуре «двойному аспекту восприятия мира», потребности «строить по ту сторону всего официального второй мир и вторую жизнь» [4]. Это возводит как частушку, так и анекдот к средневековому карнавалу, который, по утверждению М.М. Бахтина, «означал как бы временное освобождение от гос-

подствующей правды и существующего строя, временную отмену всех иерархических отношений, привилегий, норм и запретов. Это был подлинный праздник времени, праздник становления, смен и обновлений. Он был враждебен всякому увековечению, завершению и концу» [4]. Все вышесказанное позволяет рассматривать частушку и анекдот как жанры, в основе которых лежит единая когнитивная ориентация коллективного сознания на разрушение некоторой «формализованной» («официальной») нормы, а если рассматривать фольклор как динамическое образование, отражающее изменения социальной среды, то особую значимость приобретает аспект передачи и преобразования принципов текстовой организации жанров народной смеховой культуры.

В качестве особо актуального для данного исследования свойства, проявляющего себя как в частушке, так и в анекдоте, отметим, что если «основной жанровый массив фольклора чужд хроникальности, сиюминутности и даже просто откровенной злободневности», то частушки и анекдоты относятся к числу немногих жанров, посвящающихся «злобе дня» [5].

Значимость их сопоставления определяется и тем, что связь между указанными жанрами обладает психолингвистической реальностью: во-первых, частушка бытует в сознании представителей современного общества наряду с анекдотом (в отличие от ряда других смеховых фольклорных жанров, чуждых современному сознанию), во-вторых, прагматическая реализация указанных жанров осуществляется в рамках одной культурной парадигмы (так, анекдот и частушка во многом отражают один и тот же круг тем, фиксируют сходные коллективные установки). Все это определяет наличие некоторой межжанровой текстовой «переклички» частушки и анекдота, в основе которой – принадлежность к среде фольклорной смеховой культуры.

С другой стороны, природа интерпретации реальности в рамках указанных жанров, безусловно, отличается. И в этом отношении мы можем говорить о сосуществовании двух фольклорных систем. Одна из них «принадлежит среде с господствующим фольклорным сознанием и фольклорным способом сохранения и передачи культурной традиции» – и именно этой системе принадлежит частушка. «Другая функционирует в среде, культура которой определяется письменной, “ученой” традицией» [6], – к таковым относится современный анекдот.

Поскольку фольклор оценочен по своей природе и вся его содержательная сторона сориентирована на создание определенного идеала человеческого существования, в качестве основы сопоставления частушки и анекдота рассмотрим аксиологические модели, положенные в основу их жанровой формы и включающие особенности субъекта оценки, объекта оценивания (и – в связи с этим – их тематическое своеобразие), а также специфику реализуемых в текстах ценностно значимых категорий.

Уже сама жанровая форма частушки задает особый способ отражения общесмеховой ценностной модели. «Жанровая рамка» определяет специфику эстетической реализации оценки. Так, если пословица как жанр оценочный по своей сути представляет собой непо-

средственно фиксацию нормативного мира коллектива, то сама частушечная форма предполагает «перевертывание» нормы. То, что с позиции коллективного субъекта оценивается отрицательно, в частушке формально может быть выражено как соответствующее норме, т.е. положительное. Безусловно, общесмеховая норма «незримо» или «зримо», но обязательно присутствует в рассматриваемом жанре, вместе с тем появляется и своя, «частушечная», которая строится по закону «перевертывания». Формально это выглядит как проявления индивидуального начала: *У меня миленька три. / Три и полагается: / Пока я с одним целуюсь, / Два других ругаются.* Традиционное сознание рассматривает описанную ситуацию как ненормативную, частушка же переворачивает общесмеховую норму, выстраивая «антинорму» и, тем самым, подтверждая общесмеховую норму путем построения «второй» реальности.

С одной стороны, реализация нормы (вернее, ее «зеркального» проявления) в частушке обусловлена принадлежностью рассматриваемого жанра к традиционным, где в основе ценностной картины мира лежат представления о норме, свойственные единому фольклорному коллективу. С другой стороны, жанр частушки отличается от прочих жанров традиционного фольклора рядом показателей, которые мотивируют превращение нормы в «антинорму». Во-первых, среди традиционных жанров частушка считается наиболее поздним, соответственно, она отражает формирование индивидуального начала в народной эстетике. При этом карнавальное начало частушки определяет особое восприятие ее содержания членами коллектива, как будто снимая с исполнителя ответственность за это содержание. Во-вторых, частушка, как уже отмечалось, является по своей природе жанром молодежным, следовательно, принципиальное отталкивание от нормы определяется и возрастным фактором.

Отношение к коллективной норме находит в структуре рассматриваемого жанра определенное **формальное выражение** через систему лексико-грамматических текстовых показателей. Так, типичными частушечными элементами являются неопределенно-личные формы глагола, употребляемые в обобщенно-личном значении. В рамках данного жанра они, с одной стороны, могут способствовать дистанцированию коллективного субъекта от «анормальных» для него действий, исходящих из внешней, «чужой» по отношению к нему среды и, соответственно, оцениваемой отрицательно: *У матани двери сняли, / По реке отправили. / У меня штаны украли, / Без штанов оставили. // В магазине объявление / Всех нас огорошило: / На один талон дают / Целых три горошины.* С другой стороны, указанные формы (прежде всего это касается глагола «говорят» – весьма характерного жанрового показателя) могут маркировать оценку ситуации с позиции общесмеховой нормы в соответствии с жанром «перевертываемой» в частушке. В этом случае противопоставление коллективной и частушечной нормы (реже – только их соотнесение) получает структурную поддержку, которая проявляется в смысловом противопоставлении первой строки последующим: *Говорят, любовь не вредна! / Ох, какая вредная – / Посмотрите на меня, / Какая стала бледная! // Говорят, я боевая, / Я*

не оттираюся. / Семерых с ума свела, / Восьмого собираюся. // **Говорят**, я боевая. / Боевая – не позор. / Боевую-то и любят / За веселый разговор.

Маркерами экспликации коллективной нормы в частушке оказывается и местоимение «вы», демонстрирующее актуализацию частушечной «псевдоличности»: *Не судите **вы** меня, / Я **вам** не судимая. / У меня на это есть / Маменька родимая. // Извините **вы** меня, / Что с припева сбилася! / Я на курсах не была, / На это не училася! // **Вы**, цыгане, **вы**, цыгане, / **Вы** зачем приехали? / Завлекли мое сердечко, / Сели да уехали.*

Реже выражение коллективной нормы, апелляция к коллективному субъекту оценки реализуется с помощью местоимения «все»: ***Все** пришли, все пришли, / **Все** по парам сели, / А моего дорогого / Тараканы съели.*

Таким образом, отличительным свойством частушки является своеобразный «диалог с нормой».

Отметим, что для большинства из рассматриваемых случаев описание нормы и ее нарушения сопровождается их структурным противопоставлением (см. последний пример, где 1-я часть – описание нормы, а 2-я – фиксация ее нарушения).

Вышеперечисленные частушечные формы способствуют решению жанровой задачи «раздвоения» субъекта оценивания, констатирующего норму и одновременно ее «переворачивающего».

Итак, несмотря на наличие в частушке формального проявления субъективной оценочности, личностного начала, **субъект оценки** в частушке остается коллективным, крестьянским, традиционным.

Восприятие мира с позиции интеллигенции, формирующее, по утверждению М.С. Кагана [7], жанровую специфику анекдота, определяет, в том числе, и особенности формирования ценностной модели мира, фиксируемой в рамках рассматриваемого жанра (**субъект оценки** – городская интеллигенция). Рефлектирующее современное сознание не просто «присоединяется» к коллективной оценке с позиции коллективной нормы, но и осмысленно вычленивает из многообразия представленных в анекдотах позиций ту, которая в наибольшей степени соответствует его собственной, тем самым индивидуализируя оценивание.

Структура **объекта оценки** в фольклоре напрямую связана с его тематическим содержанием. Набор характерных для молодежной среды частушки ситуаций определяет **круг затрагиваемых** в ней **тем** – определение собственного общественного статуса, взаимоотношения полов – любовь, измена, социальные роли мужчины и женщины, социально-политические явления – богатство и бедность и др. Общефольклорные объекты отражения начинают, по сравнению с классическим фольклором, приобретать конкретно-бытовые формы, что проявляется в прописанности бытового фона, большим, по сравнению, например, с лирической песней, разнообразием ситуаций реализации классических межличностных отношений и т.д.

Круг обсуждаемых тем в анекдоте – в самом широком смысле – совпадает с частушечным. Но частушка все-таки придерживается тематического круга крестьянской фольклорной аудитории (а выбор описываемых объектов традиционного фольклора, как отмечают исследователи, определяется внутренними эстетиче-

скими законами и не всегда может быть объяснен), и, несмотря на возникновение в частушке политической и конкретной социально-бытовой тематики, ее проявление носит здесь наиболее общий характер. Не последним фактором (характеризующим частушку уже как жанр, формально ограничивающий «коллективность» в возрастном плане) является и молодежный характер ее аудитории, с соответственным кругом тематических интересов.

В анекдоте «вечные», общефольклорные объекты отражения приобретают еще большую, чем в частушке, степень социально-бытовой конкретизации. Так, в отличие от частушки, анекдоту знакомы темы воспитания детей, образования, спорта и т.п.

Тематическая дифференциация частушки достаточно отчетлива, с одной стороны, и не отличается большим разнообразием тематических компонентов – с другой. Разные тематические блоки частушек взаимно дополняют тот эстетический идеал, который выстраивается за ними в рамках единого фольклорного мира.

Структура объекта отражения в рамках анекдота отличается внутренней неоднородностью – оцениваемый современный мир распадается на отдельные миры, в рамках каждого из которых действуют свои законы «идеального бытия» и, соответственно, выстраивается своя система ценностей, каждая сфера обсуждаемой действительности связана с разными ценностно значимыми категориями (в студенческих анекдотах оцениваются в первую очередь интеллектуальные способности, в анекдотах, связанных с определенной профессиональной сферой, – профессиональные навыки и т.д.).

Рассмотрим, какие **категории становятся** в рамках рассматриваемых жанров наиболее **аксиологически значимыми** и в чем проявляется **особенность их текстового проявления**.

Особо отметим, что в частушке как жанре традиционного фольклора внутренний мир оцениванию практически не подвергается, поэтому ценностное содержание всех оценочных категорий проявляется прежде всего через описание соответствующих «плохих» или «хороших» событий.

Так, пляска и пение – значимые события частушечного сюжета, в которых участвует положительная героиня. Они выступают как имплицитные особой частушечной гармонии, определяемой молодежной природой жанра и основанной на необходимом ощущении свободы, озорства и мобильности: *Пошла **плясать** / Моя дорогая. / У ней русая коса, / Лента голубая. // Пошла **плясать**, / Только пол **кряхтит**. / Мое дело молодое, / Меня Бог простит. // Чтобы печка разгорелась, / Надо жару поддавать. / Чтоб **частушка** лучше **пелась**, / Надо **пляской** помогать! // Я, бывало, **запевала** / За себя и за людей. / А теперь – что такое – / Изменил меня злодей. Замужество как ситуация нарушения гармонии, перехода в чужой мир характеризуется в частушке утратой способности петь и плясать: ***Попляшите-ка, ботиночки, / вам больше не плясать. / Выйду замуж, стану бабой – / Вам на полочке лежать. / Мать моя лохматая! / Зачем меня просватала? / Все подруженьки **запели**, / Я одна заплакала.****

Схожим образом мотив музыки воплощается в образе **гармониста**. **Гармонист** и **гармонь** являются соб-

ственно частушечным образами, и в них во всей полноте реализуется жанровое представление об идеальном мироустройстве: идеальный мир частушки – это прежде всего мир веселья (*Полюбила гармониста, / Заругала меня мать. / Не ругай меня, мамаша, / Развеселый будет зять. // Мой миленок гармонист, / А я песельница. / Он играет, я пою – / У нас весело в краю!*), а гармонист в этом идеальном мире – образ идеального партнера, к соединению с которым стремится героиня частушки (*Гармониста любить – / Надо чисто ходить, / А расстрою такой / Не полюбит никакой.*). В то же время законы карнавального отражения мира в рамках рассматриваемого жанра даже идеального героя – гармониста – представляют с выраженным оттенком иронии. Частушка как поздний жанр уже не содержит полярных положительных оценок, и если ценности, доставшиеся этому жанру от классических традиционных жанров («любовь», «семья» и т.д.), воплощаются по принципу зеркального отражения, то символический комплекс, связанный с единицей «гармонист», представляется как более сложный, неоднозначный – «живой»: *Гармониста я любила, / Не попала за него! / Не хватило капитала / У папаши моего! // Гармонист пошел на низ, / Мы ему поклонялись. / Наши низкие поклонны / Ему не понравились.*

В современном фольклоре, и в анекдоте в частности, ценностную окрашенность приобретают категории, связанные не только с внешним по отношению к человеку миром, – внутренний мир также становится объектом оценивания: злость (*Встречаются две приятельницы: / Я слышала, ты позировала известному художнику. / – Да, картина называется «Ева и змея». / – А с кого же он рисовал Еву?*), глупость (*Девушка говорит парню: / – Вань, ты такой умный, находчивый! Ты так много истории знаешь, / с тобой так интересно всегда! / – Маши... я нормальный, просто ты дура!*), хитрость (*Играют в карты медведь, волк и лиса. / Медведь говорит: / – А кто будет мухлевать, того будем бить по морде... Да-да-да, по наглой рыжей морде!*) и т.д.

Карнавальное частушечное мироотражение, как уже отмечалось, определяет преобразование нормы в «антинорму».

Специфика анекдота как жанра современного фольклора заключается в усложнении (по сравнению с традиционным фольклором) структуры нормативного основания ценностной модели мира, что, опять же, связано с особенностями субъекта оценки – рефлектирующим сознанием интеллигенции. Если в частушке как жанре традиционного фольклора указанная структура двоична («норма / антинорма»), то в анекдоте она приобретает троичность: «норма / стереотип / антинорма».

При этом содержание стереотипов не совпадает с положительным аксиологическим полюсом анекдота как фольклорного жанра. Представление о жизненной норме, лежащее в основе ценностной модели анекдота, не вступает в противоречие с частушечным и – шире – с содержанием традиционного фольклора («наличие милёнка для героини обязательно», «измена – это плохо» и т.д.). Нормативные представления в анекдоте соседствуют с определенной системой стереотипов, фиксирующих бытовое представление о положении вещей в мире (см. об этом в работе Е.Я. Шмелевой:

«...культурные стереотипы, бытующие в обществе, включают в себя и знание стереотипного поведения героев анекдотов, и, наоборот, представления о поведении, манере речи и “менталитете” персонажей анекдотов складывается под влиянием бытующих в обществе представлений о поведении той или иной этнической или социальной группы» [8. С. 191]. Кроме того, стереотипное содержание совсем не обязательно совпадает и с реальным положением вещей («все жены и мужья изменяют друг другу», «все преподаватели мечтают завалить студента на экзамене»).

Итак, если в основе частушечного «перевертывания» лежит коллективная фольклорная норма, а текст частушки внешне представляет собой сформулированную антинорму, то в основе «второго» мир анекдота находится «псевдонорма» (стереотип), а в тексте обсуждается чаще ее нарушение, что, отметим, не имеет стандартного характера «возвращения» к норме – с одной стороны (в анекдотах про мужа, вернувшегося из командировки, объектом осмеяния может стать как любовник, так и муж, и неверная жена), но в конечном итоге эту норму и проповедует.

С некоторым допущением можно сказать о том, что система стереотипов в традиционном фольклоре не выходит за пределы нормы, лежащей в основе представления ценностной модели. Объектом обсуждения там становится непосредственно «антинорма» как система нарушения нормы (=стереотипов). В анекдоте стереотипы формируются на основании «антинормы», поэтому непосредственно «антинорма» в анекдоте обсуждению не подвергается. «Диалог с нормой» в анекдоте, в отличие от частушки, не формализуется. Это связано и с особенностями его жанровой прагматики: если частушка сориентирована на публичное исполнение, являясь жанром «специфической народно-площадной культуры» [4], то анекдот по своей природе направлен на реализацию в закрытом пространстве («на кухне»).

Так, в среде бытования анекдота традиционное представление о семейных ценностях, о нормах существования семьи сохраняется, но одновременно в силу специфики социальных условий стереотипным становится нарушение этих норм. Обратимся к примеру: *Муж застаёт свою благоверную в постели с любовником: / – Что он делает в нашей постели?! / Жена (блаженно): / – Чудеса...* Ситуация, когда жена изменяет мужу, представляется в рассматриваемом случае как стереотип. Социальная оценка нарушения семейных нормативов имеет формальное выражение (сохраняется двучленная система «муж–жена», в единицах «он»/«наша» реализуется оппозиция «свой/чужой»), но это не является целью обсуждения, оставаясь в пресуппозиции оценочного акта. А те качества мужа, которые высмеиваются в данном анекдоте, как раз и проявляются как ценностно значимые. Как нормативные положения частушки, так и стереотипы анекдота обсуждению в аксиологическом аспекте практически не подвергаются, оставаясь в пресуппозиции оценочного акта.

В анекдоте как аналитическом жанре обсуждению, наоборот, может подвергаться нормативное в общечеловеческом смысле (а следовательно, и в частушке как жанре традиционного фольклора) положение. Среди немногочисленных примеров – анекдот, где норма – то,

что «мужчина должен быть женат» (стереотип «все жены изменяют мужьям» остается в пресуппозиции оценочного акта): – *Вась, вчера прихожу домой, открываю дверь – а там голый мужик!* / – *Да-а-а, Коля, все жёны изменяют мужьям!* / – *Причем здесь это, Вася, – я же холостяк!!!*

Кроме категории семьи «сквозной» характер, особую значимость как для традиционного, так и для современного фольклора представляет целый ряд категорий, в том числе категория времени.

В частушке ценностная категория времени способствует реализации внешней принципиальной дистанцированности от традиционных ценностей, реально эти ценности зеркально фиксируя. Бинарная оппозиция «раньше/теперь» получает статус соотношения «второго» мира с «первым» и значительную аксиологическую нагруженность: *Ой, какие были косы / У моей у милочки! / А теперь-то на затылке / Только фигочки. // Вы, цветочки-огонечки, / В сентябре повянете. / Чернобровые мальчишки, / После нас помянете. // Я, бывало, выйду-выйду – / У меня миленок есть. / А теперь я выйду-выйду – / Не с кем времечко провести.* Указанная внешняя дистанцированность частушки от традиционной нормы и в рассматриваемом случае не выражает внутреннее изменение ценностей, на что указывает то обстоятельство, что полюс положительной оценки находится в прошлом.

Анекдот как жанр современного фольклора призван отражать ценностную картину мира, соответствующую реальному времени жизни социума. Это отличает его от системы традиционного фольклорного мировидения, устойчиво ориентированного на традицию, на традиционные объекты оценивания, воспринимающего норму как неизменную, постоянную величину (как отмечалось, даже частушка, наиболее мобильный, поздний жанр традиционного фольклора, выстраивает свое нормативное содержание на основе традиционной нормы). В связи с этим, несмотря на стабильную тематическую структуру анекдотов [7], каждый период жизни социума определяет востребованность конкретных тематических пластов. Так, в период застоя наиболее популярными оказываются анекдоты политические, с участием советских политических лидеров. Более того, в самой природе анекдота заложено свойство отражать действительность как величину непостоянную, а значит, принципиально подверженную критике.

В связи с вышесказанным особую роль в организации ценностной модели анекдота играет категория времени. Уже в самой «жанровой рамке» анекдота названная категория получает имплицитное выражение, маркируя объекты обсуждения как несоответствующие норме в данный временной период – преходящие ценности. Так, в традиционном фольклоре оценка внешности выступает лишь в качестве механизма реализации этической оценки (положительные герои обязательно красивы), в анекдоте же внешние качества находятся вне зависимости от этической стороны жизни и приобретают самостоятельный аксиологический статус: – *Почему женщина не идёт на митинг: по убеждениям или из осторожности?* / – *Ошибаетесь! Ей просто не в чем!!* // – *Ты знаешь Сидорову?* / – *А кто это?* / – *О! Это страшная любительница джаза! Настолько страшная, что увидев её на концерте,*

джазмены тут же убегают со сцены! В целом ряде анекдотов ценностно значимая категория времени приобретает эксплицитное выражение через представление темпорально окрашенных реалий: новые русские, мерседес/запорожец, зеленый/деревянный, рэкетир/предприниматель и т.д.: *Врезался запорожец в мерседес. Из «мерса» выходят крутые братки и говорят дедушке – водителю запорожца: // – Ну, мужик, ты попал! Плати ты сячу баксов! // Открывает дедок багажник, а он набит крупными купюрами в пачках. // Братки (в ужасе): – Дед, ты кто?! // – Да я пчелок развожу... // – Я тут весь район развожу – таких бабок не имею!!!* Текстовое выражение категории времени в приведенном анекдоте проявляется в целом ряде оппозиционных пар: запорожец/мерседес, крутые братки/дедушка, баксы/пчелки; при этом ярко выраженный отрицательно-оценочный вектор, связанный с миром «новых русских», не свидетельствует о положительной оценке их «темпоральных оппонентов». Современный анекдот, таким образом, как и все фольклорные жанры, и частушка – в частности, выстраивает ценностную модель, в рамках которой в область приоритетов попадают «вечные» ценности – семья, терпение, доброта и т.д., а любые темпорально окрашенные детали, в силу специфики жанра, маркируются как негатив.

Реагируя на каждую конкретную общественную ситуацию, современный анекдот фиксирует минимальные с точки зрения истории человечества изменения ценностных приоритетов современного общества: *Вовочка на уроке математики говорит училке: / – Марьяна Сигизмундовна, математика не верна. / – Это почему, Сидоров? / – Ну вот у вас на столе лежит три яблока, а у меня в кармане всего один лимон, – и достаёт из кармана здоровенную пачку баксов. – Вот, а если бы математика была верна, у вас бы не было такой желтой кислой рожки.* Оцениванию подвергаются не столько интеллектуальные и профессиональные качества школьного учителя, сколько его неадаптированность к современным социальным условиям.

Вышеприведенные примеры демонстрируют и еще одно специфическое свойство ценностной ориентации современного фольклора – в его среде происходит социализация ценностей, в отличие от традиционной культуры, где действует единая для всех этика.

В целом, в современном фольклоре, в силу «критичности» природы и специфики бытования, категория времени получает особое ценностное оформление, но при этом, в отличие, например, от частушки, где ценностные приоритеты всегда направлены в прошлое, в современном фольклоре полюс оценочности может меняться. Это определяется особым аналитическим отношением к жизни, свойственным современному фольклорному субъекту оценивания, и позволяет выявлять положительные моменты как в прошлом, так и в настоящем.

В основе ценностной системы анекдота лежат как категории традиционного фольклора – «дом», «семья», «работа» и другие, так и категории, порожденные современной действительностью (в основном это категории, связанные с технократизацией жизни). При этом только знание общесовременного национально-культурно обусловленного содержания традиционных категорий обеспечивает возможность понимания специфиче-

ского смысла анекдотического текста, его жанрово обусловленной аналитики.

Так, в анекдоте *Звонит любовник любовнице: / – Давай встретимся. / – Давай. / – А где? / – Давай у меня дома. / – А муж? / – А его сейчас нет, он в Интернете!* – содержание одной из наиболее ценностно нагруженных для фольклора категорий – категории «семья» – остается в пресуппозиции; жанровая ориентация предполагает знание ее содержания (необходимость наличия институционально оформленной пары, живущей в верности и согласии, что в частушке стало бы непосредственно предметом обсуждения). Анекдотический эффект достигается за счет реконструкции данной категории, но на основании ее общефольклорной модели: пара «муж/жена» подменяется парой «любовник/любовница», и это один из стереотипов современного сознания; номинация **МУЖ** используется по отношению к некоему третьему, «чужеродному» персонажу, нарушающему гармонию. При этом, как следствие, перестраивается и категория «дом», вступая, с одной стороны, в оппозицию с категорией «Интернет» (по общефольклорной модели «свое/чужое»), с другой стороны, границы «дома» разрушаются, формируя новое ценностно значимое пространство. Кроме того, Интернет в данном случае выступает как важный для современного сознания фактор техногенной среды, нарушающий нормативное содержание категорий, наследуемых из традиционной культуры.

Приведем подобный пример, где в основе анекдотического парадокса лежит актуализация общефольклорных семейных ценностей: *Берлога медведей. Папа-медведь читает газету, мама-медведь готовит ужин, сынишка-медвежонок играет. Тут он подходит к Папе и говорит: / – Пап, а пап, покажи мне кукольный театр. / – Ты че, сынок, не видишь – я занят! / – Ну, пап, пожалуйста, покажи! / – Ладно... / Папа-медведь идет к кровати и из-под нее достает два человеческих черепа, одевает их на лапы и говорит разными голосами: / – Петрович, а здесь водятся медведи? / – Да какие тут, елки-палки, медведи?!* Общефольклорная категориальная модель реализуется в первой части анекдота сквозь призму стереотипов «отец всегда читает газеты»/«мать всегда готовит ужин»/«сыном некому заняться». По общефольклорным законам здесь реализуется идеальная модель семьи, помещенная в современный контекст. Вторая часть анекдота «переворачивает» содержание категории «семья», изменяя одну деталь в стереотипной ситуации и, тем самым, «встраивая» в общефольклорную категорию парадоксальный параметр.

Особенности содержания анекдота, эстетически закрепленные в форме, заключаются в «открытии в нормальном человеке сумасшедшего» и «обусловлены логикой жанра, а не мировоззрением его носителей» [9. С. 583]

Формальному выражению аксиологических ориентиров в анекдоте способствует активное использование стилизации (под кавказский акцент, детскую речь и т.д.), что характеризует анекдот как современный жанр, демонстрирующий постмодернистскую ориентированность на художественно нагруженную форму, что эстетически невозможно в частушке как закрытом художественном мире, закрытой художественной системе.

Итак, анекдот как жанр современного фольклора демонстрирует определенные особенности реализации ценностной модели мира. Оцениваемый мир лишен единства, мозаичен, в рамках каждого его фрагмента выстраивается своя система ценностей. Не только внешний (как в традиционном фольклоре), но и внутренний мир становится объектом оценивания.

В отличие от традиционного фольклора, представляющего мир стабильный, анекдот фиксирует ценности, локализованные во времени. Негомогенен и субъект оценки в современном фольклоре. В частности, коллективный субъект оценки в анекдоте – интеллигенция. Ее рефлексивное сознание предполагает индивидуализацию оценивания, что выражается в осмысленном вычленении одной из многообразия представленных в анекдотах позиций.

Таким образом, частушка и анекдот представляют тексты единой фольклорной смеховой культуры, в основе их существования – исконная потребность коллективного сознания в построении «второго» мира, мира карнавала, в рамках которого нормы и ценности данной культурной среды подвергаются разрушению в целях утверждения. Как частушка, так и анекдот относятся к числу специфических фольклорных жанров, демонстрирующих непосредственную реакцию на внешнюю бытовую действительность («на злобу дня»). Рассматривая данные текстовые формы как звенья одной цепи, следует отметить, что в их основе лежат единые принципы фольклорного эстетического отражения действительности, единая система ценностно окрашенных категорий, единая идеальная модель человеческого существования. Динамика их интерпретационной деятельности опирается на модель разрушения единства представлений о мире, свойственного традиционной культуре, на развитие форм аналитической деятельности и ее эстетического отражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Неклюдов С.Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор. М., 2003.
2. Каган М.С. Анекдот как феномен культуры. Вступительный доклад // www.anthropology.ru
3. Богданов К.А. Прецедентные тексты в современном фольклоре // www.ruthenia.ru/folklore
4. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965 // <http://bahtin-mm.viv.ru>
5. Путьлов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994 // www.infofolio.ru
6. Неклюдов С.Ю. Несколько слов о постфольклоре // www.ruthenia.ru/folklore
7. Каган М.С. Анекдот как феномен культуры. Вступительный доклад // www.anthropology.ru
8. Шмелева Е.Я. Семейный миропорядок сквозь призму русского анекдота // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка. М.: Индрик, 2003.
9. Белоусов А.Ф. Современный анекдот // Современный городской фольклор. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2003.

Статья представлена кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии филологического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филологические науки» 11 декабря 2006 г., принята к печати 18 декабря 2006 г.